

А. Г. Гурочкина

СКРЫТЫЕ ФОРМЫ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В НЕПРЯМОЙ КОММУНИКАЦИИ

В статье рассматривается феномен скрытого речевого воздействия на сознание и посткоммуникативное поведение реципиента, нацеленное на побуждение его к речевым/неречевым действиям, входящим, как правило, в противоречие с его интересами, воззрениями и системой ценностей. Описываются разнообразные скрытые (манипулятивные) механизмы и приемы, акцентируется действенная сила естественного языка, разнообразных лингвистических, паралингвистических и кинесических средств, используемых адресантом в рамках не прямой коммуникации.

Дается критика традиционного взгляда на язык и письменно-языковой предвзятости лингвистики, отождествляющей речь и письмо. Подчеркивается различие между естественным языком и письменным языком как семиотическими феноменами разной когнитивной природы.

Ключевые слова: когнитивная структура, имплицитные смыслы, манипулятивные технологии, скрытое воздействие, скрытое «вмешательство», прямая/непрямая коммуникация, естественный язык.

A. Gurochkina

IMPLICIT MEANS OF SPEECH INFLUENCE IN INDIRECT COMMUNICATION

The paper focuses on the widespread phenomenon of implicit speech influence on a recipient's conciseness and post-communicative behaviour that makes them believe or do things that may be in the speaker's interests and against their own. It is exercised through a set of implicit (manipulative) technologies and techniques. Special attention is paid to diverse language means as well as non-verbal communication used by a speaker in indirect communication. The authors argue against the traditional view of language and the written language bias which makes linguistics view spoken and written language as identical, and emphasise the difference between spoken and written language as semiotic phenomena of different nature.

Keywords: cognitive structure, direct/indirect communication, implicit influence, implicit intrusion, implicit speaker's meanings, linguistic interactions, manipulative technique, spoken language.

Антропоцентрический поворот в языкознании второй половины XX в. привел к появлению новой научной парадигмы под общим названием «когнитивно-коммуникативной парадигмы научного знания», поставившей в центр внимания лингвистических исследований когнитивного направления и его биокогнитивного тренда человека, «главным свойством которого, отличающим

его от всех остальных живых существ, является когнитивно-языковая способность, способность к познанию мира и себя и, на основе приобретенного знания, к преобразованию себя и мира» [6, с. 15].

Суть главного принципа антропоцентризма состоит в том, что человек рассматривается как «управляющее и регулирующее начало» языковой системы, ее «системо-

образующий фактор» [5, с. 50], который был сформулирован в отечественной и зарубежной науке во второй половине XX в. Ученые отмечали невозможность представления языка без человека и наоборот: «в обход человека язык изучать нельзя» [4, с. 29], «язык — в природе человека...», «язык ... необходимо принадлежит самому определению человека» [2, с. 293], «язык создается ... в нас, в ходе его использования» [3, с. 162, 66], «мы существуем, прежде всего в языке и при языке» [9, с. 259].

Понятие «жизнь в языке» существует и в современной когнитивно-коммуникативной парадигме, в рамках которой язык понимается как феномен, находящийся в разнообразных и многообразных связях с человеком, включая сложную динамику всех его внутренних систем и процессов (когнитивных, перцептивных, физиологических, нейробиологических и пр.), а также в связи со средой существования человека (социальной, культурной, исторической), отношения между которыми характеризуются как единство «человек — среда», как система с круговой организацией, структурные части которой находятся в динамических отношениях взаимной каузации.

Фигура субъекта-наблюдателя (человека) как живой (биологической и психической) когнитивной системы, вовлеченной в жизнь, получила особый акцент в работе чилийского ученого У. Матураны “Biology of Cognition” (1970 г.) и далее нашла свое развитие в трудах ученых, работающих в рамках аутопоэза (autopoiesis) — интегративной биологической теории познания и языка, предполагающей тесное сопряжение субъекта-наблюдателя и среды (когнитивной области его взаимодействий). Согласно данной теории субъект-наблюдатель (человек) является главным и единственным «конструктором» собственного мира, картина которого формируется дискурсивно, в языке: «Все сказанное сказано наблюдателем» [11, с. 97; 7, с. 128], а язык трактуется соответственно как вербальная/невербальная структура, ко-

торая порождается и воспринимается в динамически сложном контексте межличностного взаимодействия в общей для субъектов коммуникации исторической и социокультурной среде, как важнейший элемент сложного динамического процесса их физической, психической, социальной и познавательной видов деятельности. Основная функция языка, подчеркивают ученые когнитологи, состоит в том, чтобы в процессе межличностного взаимодействия ориентировать друг друга в среде их обитания, в их способности строить свое дальнейшее поведение в соответствии с тем, какое ориентирующее воздействие оказала речь говорящего на слушающего.

Иными словами суть вербального межличностного взаимодействия (коммуникации) заключается, по мнению когнитологов, в вовлечении другого в сферу своих взаимодействий с миром с целью оказать на него определенное ориентирующее воздействие, то есть изменить в той или иной степени состояние среды, в которой находится адресат, так, чтобы это изменение вызвало со стороны адресата ту или иную поведенческую реакцию [12].

Действенная сила речи, естественного языка давно привлекала внимание ученых, представителей разных наук — философии, психологии, логики и др. Вместе с тем в науке долгое время бытовало мнение, что функция речи состоит главным образом в передаче информации о мире и только во второй половине XX в. пришло понимание, что передача речевыми актами информации это не конечная цель общения, что посредством речевых актов (слов, высказываний) говорящий воздействует на реципиента, регулируя и контролируя его ментальное состояние и последующее речевое/неречевое поведение.

В современной науке речевое воздействие в широком смысле трактуется как воздействие адресанта на индивидуальное и/или коллективное сознание и поведение адресата, формирование у него определенных эмоций,

установок и оценок, важных и необходимых адресанту, что осуществляется посредством разнообразных лингвистических средств, паралингвистических (темпа, тембра голоса, логического ударения и др.) и кинесических средств (жестов, мимики, позы и др.). При этом исследователи, занимающиеся проблемой воздействующего потенциала языка подчеркивают, что воздействие более эффективно, если оно осуществляется в общей для коммуникантов консенсуальной области взаимодействий посредством устной речи. Так согласно концепции ученых, работающих в русле биокогнитивного направления, язык, как основной вид деятельности человека, возникает в жизненной практике субъекта-наблюдателя и, в свою очередь, снова генерирует его жизненную практику, что стимулируется потребностями познания как способа существования живых организмов. В процессе устного общения коммуниканты воздействуют друг на друга посредством посылаемых акустических сигналов в виде высказываний с целью ориентировать друг друга в их консенсуальной области взаимодействий. Однако сами по себе эти высказывания не несут никакого содержания, а выступают лишь как подсказки для его формирования, вследствие чего они никогда не выступают как автономные. Они всегда интегрированы с различными аспектами той чувственно воспринимаемой ситуации взаимодействия, в которой они реализуются — актуальным местом и временем ее осуществления, ее участниками, их социальной и профессиональной принадлежностью, их внутренними состояниями, детерминированными индивидуальным жизненным опытом взаимодействия со средой, их феноменологическими, коммуникативными и фоновыми знаниями.

Учет данных сигналов-индексов обеспечивает, с одной стороны, успешную реализацию интенции говорящего, с другой — стимулирует воспоминания слушающего о его опыте нахождения в относительно сходной ситуации в прошлом и догадки, ка-

кой смысл возникал раньше при появлении данных сигналов в коммуникативной ситуации аналогичной наблюдаемой, соответственно происходит процесс семиозиса (создание значения /смысла) и понимание (интерпретация) реципиентом посылаемых ему сообщений [1].

Кроме того, устное общение характеризуется большей свободой выбора средств выражения. Так, при ощущении возможной коммуникативной неудачи того или иного коммуникативного акта говорящий может использовать множество разнообразных лексических, синтаксических и лингвостилистических средств, построить сообщение циклично и с повторами, благодаря чему, он может с определенной долей уверенности рассчитывать на его адекватную интерпретацию слушающим.

Письменная коммуникация сложнее. Она, как известно, лишена действующих в актуальной ситуации субъектов, события в ней происходят несколько отсрочено, а диалог коммуникантов происходит дистанционно, когда пространство и время отделяют адресанта и адресата. В рамках биосемиотического подхода письменный текст квалифицируется как «суррогат» вербального общения, который не может указывать на истинные интенции коммуникантов поскольку они непосредственно не наблюдаемы. Воспринимая письменный текст читатель вынужден реконструировать его содержание при отсутствии практически всех сигналов, присущих ситуации устного общения, кроме форм в виде графических языковых единиц, которые в этом случае отвлечены от его опыта относительно реализаций языка в конкретных, реальных условиях пространства и времени. В этих условиях читатель пытается осмыслить такие формы, опираясь лишь на свои личные структуральные знания, каким образом и в соответствии с какими правилами письменные языковые единицы организуются в предложение, при этом его структуральные знания и личный опыт могут в той или иной степени не совпадать

с опытом и знаниями пишущего и соответственно затруднять их интерпретацию. В этой связи по-видимому следует принять точку зрения тех исследователей, которые считают, что письмо это нечто внешнее по отношению к языку. «Внешнее» в данном случае понимается как фактор связи с виртуальными сущностями. Так, пишущий обращается к виртуальным лицам, представляемым как если бы они присутствовали здесь и сейчас, то есть он участвует в совместной деятельности с воображаемыми партнерами по памяти, вспоминая, «наблюдая» в своей памяти их взаимодействия или свои взаимодействия с другими. Когнитологи квалифицируют такую деятельность как «распределенную во времени и пространстве» [7; 10]. Что касается читателя, то он, чтобы понять письменный текст, вступает во взаимодействие со своим когнитивным «Я», со своими феноменологическим и структуральным знаниями как когнитивными структурами с тем, чтобы соотнести свой личный опыт со структурой текста, его грамматикой (формами слов), которые и выступают для него в качестве сигналов, способствующих формированию им, конструированию некоего возможного мира в результате их интерпретации, что не всегда приводит к позитивному результату вследствие отсутствия общей консенсуальной области между читателем и писателем.

Исследователи, изучающие воздействующую силу языка, отмечают также, что участниками речевого воздействия, как и коммуникации в целом, являются: субъект (адресант), осуществляющий речевое воздействие, и объект (адресат), на которого она направлена.

В зависимости от характера их взаимодействия различают прямое и не прямое (скрытое) воздействие.

Основными способами прямого (открытого) воздействия являются аргументация и убеждение. В процессе аргументации и убеждения осуществляется взаимодействие систем восприятия, репрезентации и про-

дуцирования информации, происходит перераспределение наборов знаний между говорящими в ходе их коммуникативной активности. Различие аргументации и убеждения заключается в цели воздействия: аргументация нацелена на доказательность аргументов, привлечение для этого фоновых знаний, социального опыта, мотивации, а основной целью убеждения является эффективность, стремление адресанта склонить адресата к необходимости принятия, совершения или отказа от определенного посткоммуникативного речевого/неречевого действия

Непрямое (скрытое) речевое воздействие это особая организация речи адресанта, ключевые компоненты смысла которой выражены, как правило, в завуалированном виде, а субъективно-оценочная точка зрения адресанта преподносится в качестве единственно «истинной».

Противопоставление прямого и непрямого (скрытого) воздействия состоит, таким образом, в различении двух типов информации, передаваемой высказываниями коммуникантов: информации, равной логическому содержанию высказывания, выводимому из денотативного значения его компонентов (слов, словосочетаний и т. п.), и прагматической информации — разного типа имплицитных смыслов (прагматических импликатур) как конвенционального, так и неконвенционального характера [8].

Иными словами, в случае скрытого воздействия в коммуникативную интенцию адресанта наряду с сообщением о положении дел в реальной действительности намеренно включается цель: трансформировать картину мира реципиента, создать у него тот концептуальный образ объекта или события, который более всего соответствует его (адресанта) интенции, что непосредственно связано с выбором им не прямой формы коммуникации и использования различных имплицитных смыслов и манипулятивных технологий. Посредством косвенных и манипулятивных речевых актов в сознание реципиента внедряются идеи, мнения, сте-

реотипы, которые могут полностью, при этом незаметно для объекта воздействия, изменить его картину мира или отношение к миру.

К основным признакам скрытого манипулятивного воздействия соответственно относятся: «скрытое вмешательство», несущее в себе импликацию хитрости со стороны адресанта, при этом конечная цель адресанта и факт самого воздействия не должны быть осознаваемы объектом (адресатом) воздействия.

Приемы и области скрытого воздействия на адресата разнообразны. К ним, в частности, относятся: воздействие на чувства субъекта (эмоциональное воздействие), духовное, психологическое воздействие (формирование у адресата определенных идеалов и ценностей), интеллектуальное воздействие (навязывание чуждых адресату мнений, взглядов), воздействие на посткоммуникативное поведение адресата (не свойственное адресату, но желательное и выгодное адресанту) и др.

К основным факторам, определяющим речевое поведение адресанта, осуществляющего скрытое воздействие на адресата относятся: тип языковой личности (толерантная/нетолерантная, доминантная, жесткая и т. п.), ее установки на кооперативное или некооперативное сотрудничество, а также такие ее индивидуальные и социальные особенности, как уровень коммуникативного профессионализма, мировоззренческие идеалы, нравственные нормы, социальный и профессиональный статус, гендер, возраст и др.

Вступая в акт межличностного взаимодействия, стремясь оказать прямое воздействие на адресата, адресант старается контролировать не только поведение реципиента, но и свое речевое поведение, для того чтобы общение между ними было более или менее кооперативным и позволило бы достичь успешного перлокутивного эффекта. Преследуя эту цель адресант сдержанно, но настоятельно представляет свое видение ситуации как наиболее адекватное, рационально и толерантно опровергает некоторое по-

ложение (точку зрения) оппонента, используя свой аргументативный потенциал, соблюдая основные принципы успешной коммуникации Г. Грайса, принцип вежливости П. Браун и С. Левинсона, принцип релевантности Д. Шпербера и Д. Уилсона и др.

Выбрав установку на кооперативное сотрудничество в процессе прямого воздействия на адресата, адресант реализует следующие основные стратегии: психологического сближения с адресатом, толерантной критики взглядов оппонента/ов, вежливого, аргументативно обоснованного несогласия с положением дел в политической, социальной и других областях, стратегии обещания, умолчания и др.

В отличие от прямого кооперативного воздействия, не прямое (скрытое) кооперативное речевое воздействие характеризуется наличием множества семантических приращений (импликатур) или скрытых прагматических смыслов. Актуализируя скрытое воздействие, адресант сохраняет вид кооперативной направленности в своем речевом поведении, но его истинная установка — некооперативная, поскольку навязывание адресату определенных точек зрения, мнений, ценностей, стереотипов происходит вопреки его желаниям и они не совпадают с теми, которые он мог бы сформировать самостоятельно.

Руководствуясь установкой на кооперацию и осуществляя скрытое воздействие на адресата, адресант в своем речевом поведении, ориентируясь не на доказательство и последующее убеждение, а на внушение адресату выгодного адресанту мнения и поведения, актуализирует такие стратегии, как: стратегия обмана, лавирования, провокации, нечестной игры, утаивания нежелательной информации, искажения информации и некоторые другие, которые он реализует посредством тактик смены или размывания прагматического фокуса, нарушения причинно-следственных связей, наложения одной денотативной ситуации на другую, подмены понятий, обвинения, неопределенно-

сти, обобщения, повторов, несоблюдения постулатов Г. Грайса и других принципов успешной коммуникации.

Наиболее распространенными приемами скрытого воздействия являются: несоблюдение постулата количества (частичное утаивание нежелательной, «ненужной» информации), прием размывания смысла (добавление различных домыслов), подтасовка фактов в соответствии со своей позицией, выборочное дозирование информации (сокрытие существенных деталей), внедрение в сознание адресата ложной информации под видом объективной и др.

Кооперативные стратегии прямого/непрямого (скрытого) речевого воздействия реализуются при помощи разноуровневых языковых средств: лексических, грамматических, синтаксических. Наиболее эффективными в процессе скрытого воздействия выступают разнообразные тропы: метонимия, метафора, гипербола, сравнение и др. и средства, относящиеся к лексическому уровню, а именно: неологизмы, многозначные слова, слова, которым присущи положительные или отрицательные коннотативные компоненты значения, заимствования, оценочная лексика, эвфемизмы и дисфемизмы и т. п.

Скрытое воздействие на массовое сознание реципиентов является в настоящее время глобальной социально-политической реальностью, влияющей на различные сферы общественной жизни людей, чему в значительной степени способствуют Интернет и средства массовой коммуникации. Особое место среди средств массовой информации занимают Интернет и телевидение, характеризующиеся определенными техническими механизмами и коммуникационными возможностями фальсифицировать сведения, представлять различные слухи, домыслы как имевшие место объективные факты, вуалируя различие между правдой и ложью, а избирательно используемые фотографии, видеоряд, его ракурс в тех или иных форматах Сети и телевидения, создают у реципиента иллюзию непосредственного, личного наблюдения происходящего и соответственно доверия к нему.

В заключение следует отметить, что скрытое воздействие на сознание реципиента является в настоящее время широко распространенным явлением, используемым в различных сферах жизни человека для своеобразного контроля и детерминации его деятельности в среде обитания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Архипов И. К.* Язык и его функция: смена парадигм научного знания // *Studia linguistica cognitiva*. Вып. 2. Наука о языке в изменяющейся парадигме знания. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2009. С. 100–152.
2. *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 448 с.
3. *Гийом Г.* Принципы теоретической лингвистики. М.: Прогресс, 1992. 224 с.
4. *Звегинцев В. А.* Мысли о лингвистике. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996. 335 с.
5. *Кравченко А. В.* К проблеме наблюдателя как системообразующего фактора в языке // *Известия РАН. Серия литературы и языка*. 52 (3). 1993. С. 45–56.
6. *Кравченко А. В.* Когнитивный горизонт языкознания. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2008. 320 с.
7. *Матурана У.* Биология познания // *Язык и интеллект*. М.: Прогресс, 1996. С. 95–142.
8. *Никитин М. В.* Курс лингвистической семантики. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2007. 817 с.
9. *Хайдеггер М.* Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. 447 с.
10. *Järvilehto T.* The theory of the organism-environment system: I. Description of the theory // *Integrative Physiological and Behavioral Science*. Vol. 33. No. 4, 1998. P. 317–330.
11. *Maturana H. R.* Biology of Cognition. BCL Report 9.0. Urbana II. University of Illinois, 1970. P. 127.

12. Steffensen S. V., Cowley S. J. Signifying bodies and health: a non-local aftermath // Signifying Bodies: Biosemiosis, Interaction and Health. Braga, 2010. P. 331–355.

REFERENCES

1. Arhipov I. K. Yazyk i ego funktsiya: smena paradigm nauchnogo znaniya // Studia linguistica cognitiva. Vyp. 2. Nauka o yazyke v izmenyayushcheysya paradigme znaniya. Irkutsk: Izd-vo BGUEP, 2009. S. 100–152.
2. Benvenist E. Obshchaya lingvistika. M.: Progress, 1974. 448 s.
3. Giyom G. Printsipy teoreticheskoy lingvistiki. M.: Progress, 1992. 224 s.
4. Zvegintsev V. A. Mysli o lingvistike. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1996. 335 s.
5. Kravchenko A. V. K probleme nablyudatelya kak sistemoobrazuyushchego faktora v yazyke // Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka. 52 (3). 1993. S. 45–56.
6. Kravchenko A. V. Kognitivnyj gorizont yazykoznaneya. Irkutsk: Izd-vo BGUEP, 2008. 320 s.
7. Maturana U. Biologiya poznaniya // Yazyk i intellekt. M.: Progress, 1996. S. 95–142.
8. Nikitin M. V. Kurs lingvisticheskoy semantiki. SPb.: Izd-vo RGPU im. A. I. Gertsena, 2007. 817 s.
9. Haydegger M. Vremya i bytie: Stat'i i vystupleniya. M.: Respublika, 1993. 447 s.
10. Järvillehto T. The theory of the organism-environment system: I. Description of the theory // Integrative Physiological and Behavioral Science. Vol. 33. No. 4, 1998. P. 317–330.
11. Maturana H. R. Biology of Cognition. BCL Report 9.0. Urbana II. University of Illinois, 1970. P. 127.
12. Steffensen S. V., Cowley S. J. Signifying bodies and health: a non-local aftermath // Signifying Bodies: Biosemiosis, Interaction and Health. Braga, 2010. P. 331–355.

З. М. Чемодурова

СТРАТЕГИИ СОЗДАНИЯ СОВРЕМЕННОГО АНГЛОЯЗЫЧНОГО АВТОБИОГРАФИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Статья посвящена рассмотрению прагмалингвистических стратегий создания автобиографических текстов, в эпоху постмодернизма ставших чрезвычайно востребованными, поскольку данный тип текста в полной мере позволяет авторам автобиографий в сложной, трансформированной форме преподнести читателям результаты рефлексии над такими важнейшими вопросами современной культуры, как соотношение реальности и вымысла, объективности и субъективности. В фокусе внимания создателей автобиографий — усложненная структура «Я», объективация которой в эпоху постмодернизма происходит при помощи разнообразных стратегий и тактик, нарушающих «правила игры» и конвенции жанра. Среди них стратегия создания «автофикции», в основе которой — отступление от «автобиографического пакта», стратегия использования вариативной повествовательной перспективы, предполагающая переход с перволичностного повествования на третьеличностное, а также стратегия монтажа дискурсов при построении автобиографического текста.

Ключевые слова: автобиографический текст, автобиографический пакт, трангрессивная автобиография, когнитивный диссонанс, автофикция.